

но, въ его критикѣ существующаго есть и прекрасныя мѣста, къ которымъ можно отнести только съ глубокимъ сочувствіемъ. Краснорѣчиво осуждаетъ Толстой роскошь богачей, ихъ наклонность къ праздности, къ суетнымъ развлечениямъ, ихъ слабую восприимчивость къ страданіямъ ближнихъ. Яркими красками изображаетъ онъ невзгоды, которыя выпадаютъ на долю рабочихъ классовъ; глубоко прочувствовано то, что говорить онъ о смертной казни, о войнахъ, о неправедныхъ судахъ, о тяготахъ, которыя причиняетъ населенію частная земельная собственность. Эта критика внесла въ литературу немало привлекательныхъ страницъ. По содержанію она не дала ничего новаго. Да и по формѣ она уступаетъ многому изъ того, что накопила наука. У Л. Блана, Маркса, Лассала, Энгельса, Кропоткина мы находимъ сотни страницъ, лучше воспроизведеніи страданія трудового люда, нежели то сдѣлалъ Толстой. Джорджъ бичуетъ землевладѣльцевъ и изображаетъ тяготу людей, лишенныхъ земли, гораздо ярче, нежели отшельникъ Ясной Поляны. Со временемъ Беккаріа многие противники смертной казни изслѣдовали этотъ предметъ глубже, чѣмъ Толстой. Въ безчисленныхъ брошюрахъ, которыя за послѣдніе десятилетія выпущены союзами борьбы съ потребленіемъ спиртныхъ напитковъ и лигами мира, изложено,—и нерѣдко въ отличной формѣ,—все то, что написалъ Толстой противъ водки и солдатчины. Такимъ образомъ, критика Толстого не вноситъ ничего новаго въ оцѣнку безчисленныхъ общественныхъ золъ. Творцу многихъ справедливо прославленныхъ художественныхъ произведеній нетрудно было озарить яркимъ свѣтомъ и то, что за второй періодъ его жизни было выпущено въ свѣтъ по вопросамъ религіи, нравственности, о государствѣ, казняхъ, войнахъ, и проч., и проч. Если бы первая половина жизни Толстого была наполнена тѣмъ, что составило главное содержаніе второй, и наоборотъ, то многочисленные философско-публицистические очерки его обратили бы на себя мало вниманія и даже,—по крайней мѣрѣ, временно,—ослабляли бы впечатлѣніе, произведенное на читателя «Войной и Миромъ» или «Анной Карениной».

III.

О частной жизни Толстого писали и пишутъ очень много. Разница между нимъ и многими другими знаменитыми людьми сводится къ тому, что его домашній быть имѣть болѣе общее значеніе, нежели, напримѣръ, частная жизнь Гете, Пушкина, Петра Великаго. Эти трое не выдвигали идеаловъ для поведенія человѣка, а потому ихъ домашній быть можетъ быть во многихъ отношеніяхъ интересенъ и поучителенъ, можетъ освѣщать ихъ общественную дѣятельность, особенности ихъ творчества, но не предназначено служить примѣромъ для миллионовъ людей. Мы знаемъ и любимъ Гете, какъ величайшаго художника и мыслителя, какъ источникъ могущественного вліянія на міровую литературу. Но намъ и на умъ не приходитъ, что его частная жизнь должна служить во всѣхъ отношеніяхъ образцомъ. Намъ извѣстно изъ его биографіи о привлекательныхъ чертахъ его характера, которыя заслуживаютъ подражанія, и мы легко миримся съ тѣмъ, что должно быть признано слабыми сторонами его частной жизни. Мы считаемъ себя удовлетворенными, если находимъ его въ частномъ быту лучше, нежели среднихъ людей его времени и круга. Слѣдуетъ сдѣлать такую же оцѣнку и по отношенію къ Пушкину и Петру. Слабыя стороны въ частной жизни первого были многочисленны; быть можетъ, ихъ наберется лишь немногимъ менѣе, нежели у среднихъ людей большого петербургскаго свѣта того времени. Но Пушкинъ не рисовалъ намъ идеального человѣка, не говорилъ о частностяхъ обязательного поведенія людей. Вотъ почему, находясь подъ обаяніемъ его художественного творчества, мы легко забываемъ о многочисленныхъ недочетахъ его личной жизни. Петръ